

Ткачук Роман
Денисович

(1134-35) 1109
(1134-35)

Экран и сцена. — 2004. — окт. — нояб. (1134-35) — с. 16.

Лучший в мире пан Владек

Павел ПОДКЛАДОВ

Странно, но факт: во всем интернете я не нашел ни одной статьи об этом человеке. В "сети" всего три строчки: родился тогда-то, работал там-то, умер такого-то числа. И — сухой список из более чем 30 фильмов, в которых он снялся. Только Леонид Филатов в свое время отдал ему дань памяти и посвятил одну из своих замечательных телепередач "Чтобы помнили". Звали этого человека Роман Денисович Ткачук. Скоро отпразднует 80-летний юбилей Театр Сатиры, которому Ткачук отдал почти 30 лет жизни.

В моих заметках чувства преобладают над разумом, и вот почему. Именно Роман Ткачук, сам того не ведая, в детстве заразил меня любовью к театру. Произошло это в далеком и жарком Ташкенте, куда Романа Денисовича забросила судьба из его родного Свердловска. Он окончив режиссерский факультет Театрально-художественного института и остался работать в знаменитом тогда Театре имени М. Горького. Если кто-то думает, что в 50-е и 60-е годы Ташкент был похож на кишлак (по-русски говоря — деревню), где по узким улочкам вышагивали верблюды и ишаки с хурджунами (переметными сумами) на тощих крупах, то он глубоко заблуждается. Указанный населенный пункт, как известно, считался городом хлебным, но главное — он был культурным центром всей Средней Азии. Там было принято уважать и поддерживать культуру "братских соседских народов" и даже помогать друг другу выжить. И театр играл в жизни Ташкента важную роль.

Никогда не забыть первого детского похода в "Театр Горького", как мы его называли. Не буду повторять банальности, вроде того, что это было похоже на сказку, на волшебство. Но то, что это поразило в самую душу, — абсолютная правда. И почему-то сразу запомнился лупоглазый улыбчивый паренек с характерным мягким говорком. (Это сейчас он видится мне паренком, а тогда казался просто небожителем!) Актер был до того обаятелен и правдив, что стоило больших усилий не поддаваться искушению и не начать с ним диалог из зрительного зала, а то и броситься на сцену как к закадычному приятелю. Он обладал какой-то невероятной привлекательностью и магнетизмом. И был настоящим премьером театра и кумиром многонациональной ташкентской публики.

Пьесы были, конечно, в основном из разряда бытовых, соцреалистических, ведь советская цензура в те годы не то что западную, но даже русскую классику не особенно жаловала. Но и в самых простеньких пьесах Ткачук, осознанно или интуитивно, находил изюминку, заставлявшую тебя верить даже самым кондовым драмоделам. До сих пор не могу забыть его в роли какого-то морячка-сердцеда, который по воле режиссера, целуясь со своей пассией, почему-то высоко поднимал ногу и придергивал ею дверь для того, чтобы в комнату никто не вошел. Мизансцена была, что называется, отпадная! Но казалась классным, потрясающим ходом, потому что делал это сам Ткачук!

Не стоит, однако, думать, что в Ташкенте Ткачук только и делал, что развлекал публику. У него были и серьезные роли. Он играл разбитного хулигана в печальной пьесе "Два цвета", строгого флотского офицера в "Океане", китайца в какой-то исторической драме, Присыпкина в "Клопе", Фортинбраса в "Гамлете" (да простит меня Владимир Рецеттер, но моя душа возмущалась: почему роль Гамлета дали ему, а не Ткачуку?!). Ташкентские театралы рассказывали легенды и о его Раскольникове. Словом, ролями его не обижали. И поклонники вниманием — тоже. После спектакля возле служебного входа в театр на улице Карла Маркса всегда толкалась уйма почитателей, чтобы хотя бы одним глазком лицезреть кумира.

Он выходил из театра, не рисуясь. В нем, конечно, угадывалось чувство собственного достоинства, но оно было замешано не на высокомерии, а на сознании того, что он делает свое дело хорошо, талантливо, без дураков.

Сама Судьба привела меня на его последний ташкентский спектакль, который играли в летнем театре на открытом воздухе по причине жары. Это была незамысловатая комедия греческого драматурга Псатаса под названием "Требуется лжец", в ней Ткачук, конечно, играл этого самого очаровательного лжеца — Тодороса. От расстроенных билетеров узнал, что артист уезжает навсегда. Это был удар! Я не нахожу себе места, маялся, страдал. В антракте побежал в так называемый "Сквер революции" в ближайший цветочный ларек и купил там огромный букет красных роз. Так и попрощался с любимым артистом: с розами в руках и со слезами на глазах. А он стоял на сцене, кланялся, и руки его дрожали. Уехал он в Москву в звании народного артиста Узбекистана.

Несмотря на звездное окружение, Ткачук довольно быстро прижился в Москве в Театре Сатиры. Видно, сказались природная терпимость, скромность, а также то, что он не любил лезть по чужим головам в "первачи". Поэтому-то, наверное, его и "не съели". Стал получать роли, причем, очень неплохие. В основном это были, конечно, комедии, но театралы помнят и захаровский "Темп-1929", где был совсем другой, необычный Ткачук — тонкий, резкий, лиричный! Им с Марком Захаровым удалось соединить в роли Григория Гая, как тогда говорили, тему гражданского звучания с какой-то очень проникновен-

ной человеческой нотой, что в те годы было редкостью. Хотя люди, знавшие Ткачука близко, считают, что даже этот значительный образ был в чем-то плакатным и не позволил артисту в полной мере реализовать лирическое начало, свойственное его психофизике. Но все же в московском репертуаре артиста преобладали роли комедийные.

Тогда в этот театр попасть было невозможно, билетами заведовала мафия. Но иногда проникнуть все же удавалось. И однажды, добыв билетик на знаменитые "Маленькие комедии большого дома", я был ошарашен: вместо Анатолия Папанова в новелле "Пой, ласточка, пой!" играл мой "лучший в мире" Ткачук. Папанов был великий актер, но и Роман Денисович в этой роли играл ничуть не хуже. Помню его в одном из театрально-эстрадных обзоров, поставленных Александром Ширвиндтом. Режиссер, видимо, решил: раз ты из Узбекистана — изволь, пляши соответствующие танцы! И мой земляк не ударил в грязь лицом: надо было видеть, как москвич уральско-ташкентского происхождения украинец Роман Ткачук в узбекском халате выделял ногами и плечами кренделя под зажигательные звуки дойры (барабана), отплясывая лихую андижанскую польку!

Надо признать, что актеры Театра Сатиры всегда отличались мощным темпераментом, способностью побалаганить и покуражиться на сцене. Это называлось импровизацией, считалось, так сказать, выским шиком. На актерском сленге таких "импровизаторов" всегда величали "актер-актерычами". Роман Денисович никогда не был таким: в отличие от многих

других в нем всегда был какой-то внутренний "пограничный столб", не позволявший ему наигрывать и излишне бедокурить на сцене, даже если это обеими ладонями одобрял зритель.

Не стоит думать, что Роман Денисович подвизался в Театре Сатиры лишь на вторых ролях. Случались у него и главные: в первые годы после приезда в Москву, он, например, играл Присыпкина в "Клопе", потом — в пьесе Григория Горина "Феномены" — первой режиссерской пробе Андрея Миронова, он же намного позже доверил ему роль Свиштунова в своем последнем спектакле "Тени" по Салтыкову-Щедрину. В "Женитьбе Фигаро" у Плутека он сыграл вечно пьяного садовника Антонио. И не потерялся на фоне звезд. Но вершиной его творчества стала роль Подсекальникова в "Самоубийце" Н.Эрдмана. Герой Ткачука, смешной и несчастный, вызывал и смех, и сочувствие, и жалость. Пожалуй, только в "Самоубийце" артисту, наконец, удалось в полной мере проявить свой тонкий, лирико-комедийный дар. Помнится, я сидел довольно близко и до сих пор не могу забыть глаза героя Ткачука: в них светились невыразимая безысходность, отчаяние маленького человека.

Ткачук мог бы сыграть значительно больше. Но Плутчек, говорят, ужасно не любил "Кабачок 13 стульев". А Роман Денисович там надолго прижился в роли пана Владека: глуповато-наивного, но обаятельного мужа пани Терезы (Зоя Зелинская). И народ его полюбил. Ибо, как сказал поэт: "А клоун глупее вас, и это приятно вам". (Да и денежку надо было зарабатывать: актер ведь тоже человек и ничто человеческое...) И здесь судьба тоже столкнула автора этих строк с любимым артистом. Если читатель помнит, в "Кабачке" на заднем плане вечно прыгали некие музыканты, которые, так же, как и "певцы" — главные герои, только делали вид, что издают звуки. Лже-музыкантам давали в руки трубы, саксофоны и гитары, и они скакали по сцене или среди столиков, зарабатывая 4 руб. 50 коп. за сменочную смену. Одним из музыкантов какое-то время был и автор этих строк. И во время перекуров устаивался чести стоять рядом с Державиным, Мишулиным, Рунге и... со своим любимым паном Владеком. Но я был страшно зажат: язык так никогда и не повернулся вспомнить ташкентские годы.

Наблюдая за ним в течение перерывов, я радовался, что кумир моей юности не приобрел столичного лоска и звездных ухваток: он производил впечатление мягкого, интеллигентного, очень доброжелательного человека. Те, кто знал его близко, до сих пор говорят о необыкновенных душевности и теплоте Романа Денисовича.

Говорили, что "кабачкистов" не любили снимать кинорежиссеры. Но Ткачука эта обструкция, слава Богу, миновала. Он много снимался и в каждой роли был неповторим. Ну, разве забудешь его грустного пьянчугу — заведующего клубом из "Деревенского детектива" или смешного пациента в "Собачьем сердце"? А в "Балладе о Беринге и его друзьях" он даже сыграл самого Петра Первого! Говорят, что он был как две капли воды похож на царя. Но все же свою роль в кино он не сыграл. Невольно приходит на ум крамольная мысль, что, если бы не было великого клоуна Юрия Никулина, то его киношные роли с меньшим успехом мог бы сыграть Роман Ткачук. Его герои были из породы чаплинских персонажей (не случайно среди его ролей была роль Кальверо в "Огнях большого города").

Да простят меня близкие люди Романа Денисовича, если я вторгнусь во что-то очень личное. Но расскажу лишь то, что услышал от тех, кто знал семью Ткачуков близко. Роман Денисович всю жизнь был однолюбом и просто обожал свою жену. Когда она умерла, жить дальше он не смог. И умер на следующий день после нее. Было это 10 с лишним лет назад.

● Р.Ткачук в спектакле "Темп 1929"